

Карен СТЕПАНЯН

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ДНЕВНИКА (2016)

От автора. Публикация фрагментов моего «Дневника» в майском номере «Невы» вызвала заинтересованные отклики читателей, и редакция любезно предоставила мне возможность опубликовать еще некоторую часть. Все, что необходимо было пояснить по поводу этого «Дневника», сказано в преамбуле к майской публикации. Здесь повторю только, что записываю не события личной жизни, а отклики на происходящее в стране и в мире (порой напрямую с происходящим и не связанные). Ну и, конечно, Достоевский не может не напоминать о себе, к какой бы сфере нашей сегодняшней жизни ни обратиться.

Провалы спецслужб в работе по предотвращению терактов на Западе: этого взяли было, но потом отпустили, за тем слежку вели, но прекратили, не провели тотальную проверку всех эмигрантских кварталов. Показаться расистами им страшнее (конец индивидуальной карьеры), чем обречь на гибель и увечья сотни людей.

Хорошая фраза из рекламы драже «M&M's», Желтый говорит Красному: «Смотри, мы в списке гостей!» А тот отвечает: «Желтый, это меню». Относится ко многим политическим событиям в наше время. Особенно к нашим бывшим друзьям и союзникам, перешедшим в другой лагерь.

Дагестанскому спортсмену, ударившему ногой статую Будды в храме в Элисте, грозит три года тюрьмы. Если бы сделал то же в православном храме (ударил икону, например), сочли бы как протест против «официальной Церкви» и организовали бы в Интернете голосование в защиту.

Отзывы либеральной критики того времени на «Братьев Карамазовых» (его учение «несовместимо с умственными привычками интеллектуального меньшинства» и т. п.). Страшно подумать, что сделали бы с Достоевским эти критики в наше время.

Карен Ашотович Степанян родился в 1952 году. Доктор филологических наук, вице-президент Российского общества Достоевского, главный редактор альманаха «Достоевский и мировая культура», заведомо критики журнала «Знамя», старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, член Союза писателей Москвы. Автор монографий «Достоевский и язычество (какие пророчества Достоевского мы не услышали и почему?)» (1992), «„Узнать и сказать“: „реализм в высшем смысле“ как творческий метод Ф. М. Достоевского» (2005), «Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского» (2009), «Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени» (2013), «Путеводитель по роману Ф. М. Достоевского „Преступление и наказание“» (2014), а также более 150 статей по проблемам русской классики, отечественной и зарубежной литературы. Живет в Москве.

В канонических Евангелиях почти ничего нет о детстве и молодости Христа. Почему? Богородица и братья Его не сочли необходимым рассказывать (ср. многочисленные рассказы Франциска Ассизского и его учеников об откровениях и беседах с Богом).

Иногда вдруг наткнешься у наших авторов XIX века на написанное как будто сегодня: «Может быть, сама Европа переработается, встанет, возьмет одр свой и пойдет по своей святой земле, под которой лежат столько мучеников и на которую пало столько поту и столько крови» (Герцен, «Полярная звезда» на 1857 г., с. 302; цит. по ПСС Достоевского в 30 т., т. 15, с. 550).

«Наука должна быть выше политики» (из выступления на научной конференции). Да как же сейчас что-то может быть выше политики? Когда политика определяет личную судьбу каждого? Скажите что-то про «выше политики» родным тех, кого сжигали в Одессе, искалеченным людям в Донбассе, жителям Арцаха, сербам, потерявшим свою страну и свои дома сирийцам. Попробуйте убедить их своими речами. Да и сами скоро убедитесь, может ли сегодня что-то быть выше политики.

Из диалога: — Европейцы более веселые, чем мы. — Да, они менее драматичны. Они были драматичны, когда верили в Бога. Тогда и трагедии, и драмы писали. А теперь они не верят в Бога (им разрешили? великий инквизитор? — К. С.), они и перестали быть драматичны.

Страшно, когда Бог смотрит мимо тебя (когда тебе так кажется).

Если нынешняя «антидопинговая» история не закончится, соревнования спортсменов заменятся соревнованиями пробирок с мочой.

Обвинения России в варварстве. Обвинять Россию в варварстве может только тот, кто сам находится на такой степени одичания, что даже не понимает, о чем идет речь.

Рамбла в Гранаде. На этой площади проводились аутодафе. А теперь здесь рестораны.

«Аврора» возвращается в Неву на свое место. Через год исполнится 100 лет. Возможно ли повторение? Теоретически можно было бы себе представить такое, если бы иррациональная, порой просто животная ненависть Запада, выразившаяся в нынешней травле нас (не у всех, конечно, эта ненависть, не у всех, но те, кто относится к России по-другому, боятся заявить свою позицию — из боязни потерять работу, оказаться объектом тотального осуждения, оттого в нашу поддержку высказываются там в основном пенсионеры и изредка радиослушатели, называющие себя лишь по имени), — так вот, если бы эта ненависть не канализировала, не уводила бы здесь неизбежно накапливающиеся в людях злость и раздражение от экономических проблем в патриотическое, а не социально-протестное русло (у большинства; есть, конечно, здесь и те, кто с удовольствием откликается на настойчивые призывы Запада демонизировать Россию и Путина).

Многочисленные нынешние статьи о наших потерях в Великой Отечественной войне. Война — это прежде всего кровь, убийство, «огромные людские жертвоприношения», утверждают их авторы. Так мог бы сказать инопланетянин, буде оказался он здесь в годы Второй мировой, или антрополог, наблюдающий за враждой двух обезьяньих стад. Разве убийство было главным для защитников Брестской крепости, Дома Павлова, да всех? «Я убит и не знаю, наш ли Ржев наконец...» — вот что было главным. Это была борьба Добра и Зла, и ее выиграло Добро благодаря главным образом силе духа русских людей. Страшно подумать, что было бы, победи Германия. Полмира было бы Германией, остальное — концлагерем. Уж немцы ниоткуда бы не ушли и завоевания не отдали, как мы в 1991 году. Больше половины нынешних ненавистников России просто никогда не родились бы на свет. «Немцы тоже не хотели воевать». Если не хотели, что же сжигали в сараях стариков, женщин, детей? Санитарные поезда расстреливали? Сжигали в газовых печах миллионы людей? «Это делали эсэсовцы, фашисты, а простые немцы были вынуждены, плюс националистический дурман» и т. д. Нам так нужно было рассуждать, когда немецкие колонны с песнями маршировали по нашей земле? «Мы не должны праздновать День Победы, мы должны только плакать и скорбеть: жертв было слишком много». Да, жертв было много, но можно ли было меньшим числом жертв победить такого монстра? Докажите. И еще: мы будем плакать и скорбеть, а всему миру будут внушать, что Гитлера победили американцы и англичане, а атомные бомбы сбросил на Японию СССР; что если Россия, «империя зла», кого-то и победила, то от этого всем стало только хуже.

Когда читают все это молодые люди нынешние, что они должны подумать? Что тогда была не Победа, а поражение? Может быть, многие подобные авторы этого и хотят.

Некоторые живущие в монастырях иноки и инокини и даже трудящиеся там мужчины и женщины считают, что миряне уже изначально в чем-то виноваты перед ними. Это неправильно, по-моему.

Какой-то гражданин Германии подал в суд на президента МОК Томаса Баха — за то, что позволил-таки российским спортсменам, пусть и в урезанном почти наполовину составе, выступить на Олимпиаде, несмотря на доклад Макларена. Да читал ли гражданин этот доклад? Даже не все спортивные функционеры читали, да и не был он до конца опубликован. Поверил своим СМИ. Еще 150 лет назад Достоевский удивлялся: «Отчего он (западноевропейский буржуа. — К. С.) довольствуется казенной литературой? Отчего ему ужасно хочется уверить себя, что его журналы неподкупны?» («Зимние заметки о летних впечатлениях», ПСС, т. 5. с. 75). Если бы в Советском Союзе так верили своим СМИ, как на Западе верят своим, СССР простоял бы еще лет двести.

Немецкая газета «Бильд», возмущенная тем, что наших спортсменов все же допустили на Олимпиаду, опубликовала таблицу неофициального командного зачета без учета медалей и места России. Забавно, конечно, что в действительной таблице Россия опередила как раз Германию, мы заняли четвертое место, они — пятое, так что можно сказать, бильдовцы нашли остроумный способ утешить своих болельщиков. Но не только это забавно. Вспоминается что-то очень знакомое. В 1973 году наши футбольные и нефутбольные руководители отказались послать сборную СССР играть отборочный матч чемпионата мира на стадионе «Насьо-

наль» в Сантьяго, превращенном Пиночетом (он тогда только что захватил власть в Чили) в концлагерь. Перенести встречу в другое место человеколюбивые чиновники из ФИФА не позволили. Чилийские футболисты вышли на поле, забили гол в пустые ворота и таким образом прошли в финальную стадию (первая встреча в Москве закончилась со счетом 0:0). Когда начался чемпионат мира, советские СМИ передавали результаты всех встреч, кроме тех, где участвовала сборная Чили. Так что приходилось лишь из зарубежных «голосов» узнавать эти результаты. К счастью для немецких болельщиков-читателей «Бильд», сейчас есть Интернет, и за результатами Олимпийских игр не надо бегать за газетами в соседнюю Швейцарию или слушать «Russia today».

Рассказ крымского таксиста, бывшего военного моряка украинских ВМС, об инструкции НАТО, доведенной до них в ходе совместных военных учений (еще когда Крым был в Украине), о том, кого в первую очередь надо спасать в случае ЧП на море: «В первую очередь мы должны были оказать помощь тонущим офицерам НАТО, потом военнослужащим альянса нижнего звена, а уже потом — всем остальным. То есть тем, кто числится в ВМСУ, моим сослуживцам» («Независимая газета» от 31 августа 2016 г., с. 8). Если это правда (а выдумать такое сложно), то — так долго ждали независимости, и вот она, пришла наконец!

Когда говоришь о волынской резне, о непримиримых, имеющих глубокие корни противоречиях и вражде между немцами и французами, греками и турками и т. п., отвечают: ну, это было раньше, а теперь будем строить объединенную Европу, где все будут жить в мире, дружбе и согласии. Хорошо бы, конечно, но когда призывают забыть о реальности и верить в идеал, всегда возникают сомнения.

Демонстрации солидарности после терактов. Организаторы терактов небось сидят у телевизоров, смотрят и посмеиваются.

Странно, что власти наши как будто не понимают, что вся главная сила России — в духовной культуре, в образовании, в силе и величии духа и только потом в оружии (где мы всегда будем только догонять Запад). Да, суперсовременное оружие необходимо. Да, для Церкви многое делается, но ведь человек духовно не образованный, не понимающий, в какой стране он живет, в чем величие и основа существования России, в храм не пойдет, неготовый к самопожертвованию (и не знающий, зачем оно надо) на защиту Родины не встанет. А детям внушают западные ценности: личное благосостояние превыше всего, а об общественном благе, о защите страны требуют заботиться «совки» и коммунисты-тоталитаристы. Так учат и в семье, и в школе, и в вузе «прогрессивные» преподаватели. И жизнь вокруг учит: самое лучшее — стать чиновником или «менеджером» и воровать сколько можно. А весь мир твердит россиянам: «Воруйте, воруйте у своего государства, мы наворованное спрячем». Надеяться на чудо.

Самокаты, селфи, соцсети. Как внушаемы и управляемы стали люди! Или всегда были? Но раньше центров, из которых исходили внушения, было много, а теперь количество их стремится к единице. Человек становится приставкой к своему гаджету.

Порой говорят: как это Христос, восприняв все человеческое, кроме греха, не воспринял радостей супружества? Начинают придумывать какие-то невероятные

«дополнения» к Евангелию. Но не говоря уже о том, что нынешнее супружество возникло только после грехопадения, на самом деле все просто: «Вот Я и дети, которых дал Мне Бог» (Евр. 2:13). Все человечество — мои братья. Все женщины — мои сестры, а не объект вождения. Это трудно понять и осуществить, но можно: монашество. А если в миру, то все равно в постоянной борьбе со своими грехами (и, прежде всего, в ясном видении их). Именно таков путь человека после грехопадения. Потом наступит другое состояние, неведомое. А пока — история.

Россия должна переболеть капитализмом. Это как человеку верующему вдруг объявить авторитетно для него, что Бога нет и все позволено. Многие сначала пойдут во всевозможные грехи. Но потом образ Божий, в основе нашей природы лежащий, взбунтуется, и человек увидит: это смертельно. Тогда на новых основаниях вернется к Богу. Так и здесь: когда подойдет к краю, идеалы, на которых всегда стояла Россия, вернутся в сознание людей. Иллюзия?

После революции 1917 года сколько людей, причем из умнейших, потешались над словами Достоевского (устами старца Зосимы): «сей народ — богоносец». Но грянула Великая Отечественная, и все убедились: сей народ — богоносец. Ибо только народ-богоносец способен был одолеть величайшую реинкарнацию зла в мире — Гитлера и всех, кто был с ним.

Еще один положительный результата бытования капитализма в России: мысль многих обратилась к метафизическим проблемам, к пониманию природы человека, отбросив наконец все упования на то, что какой-либо социальный строй способен принести счастье людям (лет 30—40 назад как надеялись: вот будет у нас капитализм, и заживем припеваючи!).

Возлюбить ближнего, как самого себя — один из смыслов этой заповеди, многими не понимаемой (Бахтин: ну как же можно любить самого себя?), по-моему, вот в чем: прощай ближнему все то, что прощаешь себе (это очень нелегко).

Достоевский почти всю жизнь писал под опасением (если так можно выразиться) скорой смерти: что вот-вот все может кончиться, а успеть сказать нужно еще так много. Квинтэссенция этого — последние минуты перед расстрелом на Семёновском плацу в 1849 году; а потом — четыре года каторги, ссылка, эпилептические припадки, каждый раз с неизвестным исходом, эмфизема легких. Ощущение смерти, стоящей на пороге. Отсюда все происходящее в его произведениях как бы подсвечено неким светом из другого мира. В этом тоже его специфическое отличие от других писателей.

Замечательная фраза Стефании Елфутиной, нашей бронзовой олимпийской призерки в парусном спорте: «Каждый сам выбирает свою реальность».

Каждая истина и каждое слово в Евангелии существуют не для «предъявления» их другому, а исключительно как руководство к действию для меня самого. Условно говоря, нельзя ударить кого-то по щеке и потом требовать от него: «А теперь подставь другую щеку». Достоевский писал об этом же так: «...христианин, то есть полный, высший, идеальный, говорит: „Я должен разделить с меньшим братом мое имущество и служить им всем“. А коммунар говорит: „Да, ты должен разделить

со мною, меньшим и нищим, твое имущество и должен мне служить“. Христианин будет прав, а коммунар будет не прав» (ПСС, т. 29, II, с. 140).

На Страшном суде не ты будешь спрашивать Бога: почему в мире столько зла, а тебя спросят: а ты лично что сделал, чтобы хоть ненамного уменьшить количество этого зла? Тот, кто ничего не сделал или сделал мало, со стыдом отойдет, а кто сделал много — понимал уже в этой жизни, что все зло на земле создается человеком и искоренение зла *помимо человека* невозможно.

Каждый раз, когда многие русские начинали вести себя как нерусские (XI—XIII века и конец XIX—начало XX века) — то есть каждый ради личных интересов, — оканчивалась Божьей карой: татарами и революционерами-космополитами.

Фома Опискин — подпольный человек — князь Мышкин. Что между ними общего? Все они претендуют на то, чтобы быть нравственным центром окружающего мира. Всем им недостает святости — то есть видения непосредственного участия Бога в наших земных делах.

Почему так много врагов России — сторонников Запада — было и есть в самой России? Во-первых, умные люди на Западе понимали (особенно четко после Наполеона и Гитлера), что силой Россию не уничтожить (а уничтожить нужно было всем желающим мировой гегемонии), а можно справиться только подрывав духовные основы, на которых все держится, так что работа в этом направлении, все более совершенствуясь, постоянно идет и, конечно, приносит плоды. Во-вторых, быть врагом России — сторонником Запада (не «сторонником» великой западной культуры, уточню, а служителем проводимой властями Запада политики) означает предпочитать личное благо общественному, а таких людей, к сожалению, всегда немало.

Деточкин — гамлетовская, донкихотская фигура. Пытается утвердить, установить в мире справедливость, *как он ее понимает*, заменяя собой Бога. Приносит в процессе этого страдания ближним, любимой женщине, врет окружающим. Наказывает ли он при этом жуликов? Гораздо меньше, ибо жулик всегда найдет возможность купить себе еще машину. Равно как и директор того детского дома, куда он посылал деньги, вырученные от продажи автомобиля (кстати, процесс продажи не показан, это поменяло бы искусственно идеализированную стилистику фильма), вполне может их присвоить и на них купить и себе машину. Неудивительно, что Деточкин стал кумиром нашей интеллигенции, которая и всегда хотела подменить собой Бога, выгнать бескорыстными борцами за справедливость и при этом не думать о последствиях.

«Иронизирующему в диалоге и не требуется собеседник, он — *монополист*. Ирония здесь как форма защиты до нападения, как способ бесконтактного существования, как безнадежная утрата подлинной связи одного человека с другим.

Священное не терпит юмора еще и потому, что смех, „изгоняющий дьявола“, изгоняет и ее, святыню. <...>. На освободившееся от святыни место немедленно возвращается тот, для изгнания которого и предпринимались юмористические усилия, и тогда второе становится горше первого. <...>

Смех, направленный на человека (хотя бы и грешного), ставит под сомнение его достоинство, отказывает ему в Богоподобии, он есть самопревозношение над ближ-

ним. Он вырос на предназначенном для радости, но ныне опустевшем месте» (Владимир Глянц, Гоголь и Апокалипсис. М.: Элекс-КМ, 2004. С. 264–265).

Как много это объясняет в современной жизни, начиная от «Шарли Эбдо» и до современных отечественных «креативных» постановок классики!

Как сегодня может появиться новый Айтматов? На каком языке он должен писать, чтобы прочли в мире? На английском? Или должен быть адекватный перевод (то есть одновременно два больших таланта должны родиться; но и тогда без десятилетия традиций и школы перевода с киргизского на английский адекватный перевод практически невозможен).

«Нам надо всегда знать, и помнить, и быть убежденным, что в решительных общемировых вопросах Россия, если пожелает сказать свое слово или провести свое мировоззрение самостоятельно, — всегда встретит против себя *всю* Европу без исключений. И что, *в строгом смысле слова*, — у нас в Европе нет и никогда не будет союзников» (Достоевский. ПСС, т. 24, с. 270).

XX век дал в огромном, массовом числе примеры невероятной бескорыстности, мужества, самопожертвования — и, с другой стороны, мучительства, садизма, предательства, страшной жестокости. Человеческая природа приближается к своим пределам?

«Искусство не изображает видимое, оно делает его видимым» (П. Клее).

За более чем полвека Достоевский предугадал и появление романа «Мастер и Маргарита». Помните финал романа? А вот что у Достоевского в подготовительных материалах к «Братьям Карамазовым»: Христос при Своем Втором Пришествии «простит и Пилата высокоумного, не ведавшего, что творил» (ПСС, т. 15, с. 249). Правда, у Достоевского прощает Пилата все-таки Христос, а не Мастер...